

В ПАМЯТЬ
О СОТРУДНИКАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА
ОТДАВШИХ ЖИЗНЬ
ЗА РОДИНУ
НА ФРОНТАХ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ
И В ОСАЖДЕННОМ
ЛЕНИНГРАДЕ

1941 · 1945 гг.

ВОЕННАЯ МОЗАИКА

22 июня 1941 года вечером Эрмитаж переместил в хорошо защищенные помещения Особой кладовой «Мадонну Бенуа» Леонардо и еще несколько исключительных шедевров. Обычный выходной день в понедельник был отменен, и началась подготовка музея к эвакуации. 30 июня на Урал отправился первый эшелон. 20 июля Ленинград покинул второй эшелон. Груз третьего был вынужден вернуться в музей. Замкнулась блокада. В Свердловске коллекции были помещены в здание Картинной галереи и в знаменитый Ипатьевский дом. Так возник филиал Эрмитажа на Урале. Память о нем и сегодня составляет важную часть культурного образа Екатеринбурга. В Петербурге осталась большая группа сотрудников, оберегавших оставшиеся экспонаты и дворцы. Их история – одна из главных в памяти ленинградской культуры. 8 ноября 1944 года в Эрмитаже торжественно открылась выставка экспонатов, оставшихся в музее во время блокады. Музей напоминал о себе. 10 октября 1945 года из Свердловска прибыл первый эшелон с возвращающимися коллекциями, а 8 ноября в трех галереях Эрмитажа открылась первая послеблокадная экспозиция.

22 февраля 1946 года директор Эрмитажа Иосиф Орбели выступил на Нюрнбергском процессе. История спасения Эрмитажа стала аргументом в мировой борьбе за защиту прав культуры. Тогда же стал формироваться образ, получивший название «Подвиг Эрмитажа». Это – название книги историографов музея Б. Реста и С. Варшавского. Она вышла в 1965 году и имела громадный успех. Ее иллюстрированные переиздания на европейских языках стали одним из главных способов знакомства послевоенной мировой широкой публики с Эрмитажем вообще. Книге предшествовали широкие публикации воспоминаний. В конце сороковых музей, как и весь Ленинград, жил в атмосфере победной эйфории, за которой виделось замечательное возрождение музея и города. В Эрмитаже велись большие ремонтные работы, которые запечатлены, в частности, на акварелях С. П. Светлицкого, хранящихся в нашем архиве. В 1946 году Союз художников заказал ученику Малевича В. В. Стерлигову большое полотно о восстановлении Эрмитажа. Выставка, организованная Эрмитажем в 2016 году, представила огромную работу, проведенную художником, и интересное решение темы, где в игре пастельных, но ярких тонов перекликаются фигуры ремонтных рабочих и частично задрапированные античные скульптуры музейной коллекции. Эскизы картины впечатляют, но они не понравились художественным начальникам и заказ не был подтвержден. Дело, конечно, не в художнике. Менялась атмосфера. Эйфория блокадных победителей делала их опасными для столичных властей. Нарастало Ленинградское дело, и праздновать подвиг Эрмитажа, как и всей Победы, стало на несколько лет «неуместно».

Надо сказать, что и сегодня пафос воспевания подвига культуры, который задал и возродил Эрмитаж, вызывает порой отрицательную реакцию. Какой подвиг? Они не могли жить и поступать иначе! Почему Эрмитаж? Все эвакуировались, все жили в голодной блокаде! Иногда публикуют давно известные сведения, меняя плюс на минус. Эрмитаж

всегда говорил о том, что во время войны пропала картина Ван Дейка «Святой Себастиан». В такой страшной войне – только одна картина! Сегодня интереснее сказать: какой ужас, пропала картина, пропажу скрыли, все плохо, как всегда, – что уж там говорить о подвиге! Это естественная реакция определенных социальных кругов на Эрмитаж вообще, дескать, что в нем такого особенного – музей как музей.

Блокадная и военная история как раз и показывает, что в нем особенного. Эрмитаж как учреждение и организм не просто справился со своей задачей сохранить себя и коллекции, но и превратил свою историю в героическую сагу, повествующую о борьбе добра со злом, о победе добра. На самом деле в этом и был смысл победы над средневековой, мистической и символической германской блокадой. И культура лучше всего повествует об этом смысле. Блокадный Эрмитаж создал и сделал достоянием общественного сознания целый набор событий и эпизодов, ярко характеризующих время и место. Знаменитые вечера памяти великих восточных поэтов Навои и Низами, архимедовская цитата в бомбоубежище: «Не трогай мои чертежи», фарфоровые сосуды, расписанные в Эрмитаже и обожженные в тиглях, энергию для которых давала бывшая императорская яхта. Рисунки, изображающие залы военного блокадного Эрмитажа, и рассказ об экскурсиях по пустым рамам, оставленным на стенах залов. Лекции, которые сотрудники читали друг другу на ночных дежурствах, чтобы сохранить научные открытия в случае гибели. Ученые труды, написанные замерзающими пальцами голодающих ученых.

Все эти и другие символы стойкости поучительны своей пафосной прозаичностью. Они рассказывают о том, что многим приходится разъяснять сегодня. Музей – это не красивые картинки, развешанные по стенам. Музей – это мощный культурный организм, хранитель памяти. Когда музей закрыт, он продолжает быть музеем и выполнять свои функции. Он хранит памятники культуры и оберегает их от превратностей жизни, в том числе и военной. Сотрудники Эрмитажа ежедневно боролись с артолетами, зажигательными бомбами, пожарами, ветрами, дождями, снегом. Без этого прекрасные здания и огромные коллекции не дожили бы до победы. Музей реставрировал вещи, поврежденные или бывшие на грани гибели. Музей создавал научные труды. Музей просвещал своими лекциями и в блокадном Ленинграде, и в тыловом Свердловске. В Свердловске же он не переставал бороться за то, чтобы все эвакуированные экспонаты хранились в должных условиях и были доступны для проверки. Музей постоянно подчеркивал символическое значение всех своих действий и жестов.

Он продолжил это после войны, преодолев несколько полос замалчивания и невнимания. Он осуществил начатую Орбели стратегию превращения честной работы в образец для восхищения и подражания. Издания архивных материалов и воспоминаний. Страшная выставка в бывшем бомбоубежище, где библиотекари собирали книги из рук умерших. Торжественные выставки в Свердловске и Екатеринбурге. Дарение Свердловской картинной галерее прекрасно, с любовью подобранной коллекции. Документальные и художественные фильмы. И наконец – проект создания «спутника» Эрмитажа в тех залах, где хранились эрмитажные экспонаты. Публикации, лекции, повести, рассказы. Тысячи людей посвятили время и таланты свои тому, чтобы создать на будущее добрый ориентир, полный оптимистического трагизма. Подвиг Эрмитажа продолжает существовать и как факт, и как образ.

На популярный сегодня кощунственный вопрос, нужно ли было защищать Ленинград, кроме серии естественных положительных ответов есть один практический-мистический. Гитлер собирался наш город уничтожить, ограбить и снести с лица земли. Насколько можно судить, этот план действительно существовал и был для нацистов вполне логичен. Наличие такого города в таком месте было вызовом нацистской этногеографии. Жители Ленинграда не просто знали это – они кожей чувствовали наличие угрозы полного уничтожения. Они противостояли не просто врагу, но страшному пророчеству: «Петербургу быть пусто». Борьба с ним – ежедневная жизнь настоящих петербуржцев и символа города и его стойкости – МУЗЕЯ.

Недавно опыт Ленинграда вновь пригодился. Фанатики захватили город – исторический побратим Петербурга – Пальмиру. И стали уничтожать ее памятники и память. Они противостояли их представлению о том, каким должен быть мир. Эрмитаж стал одним из важных действующих лиц в процессе превращения простого возмущения варварством в принципиальную позицию силовой защиты памятников культуры и защиты прав культуры. Опыт спасения и возрождения дворцов и музеев нашего города, опыт Эрмитажа снова стал звучать как нечто актуальное. Музейщики Пальмиры совершили подвиг, сумев эвакуировать многие из сокровищ. Главный хранитель Пальмиры отдал свою жизнь за то, что встал на пути варварского зверства. Пальмиру освободили, и среди ее руин зазвучала петербургская музыка, как она звучала в осажденном Ленинграде. Это наша традиция – традиция, частью и одним из творцов которой является Эрмитаж.

Мы продолжаем говорить и думать о войне. Это нужно не только для памяти, но и для того, чтобы не потерять ориентиры в сегодняшнем безумном мире. На этот раз говорим в форме мозаичного рассказа. Разные люди, разные поколения, разные жанры. Все, кто захотел, написали о военном Эрмитаже. Написали так, как захотели. Это не демократия, это – разнообразие. Тот самый разговор культур, на котором основана сегодняшняя жизнь Эрмитажа.

Михаил Пиотровский

ВЕЛИКИЙ МУЗЕЙ И ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ

Эта книга посвящена судьбе Музея в годы двух великих войн XX века.

Германская началась, когда Императорскому Эрмитажу исполнилось 150 лет. Его экспозиции были тогда гораздо меньше – музей занимал кленцевское здание с атлантами и часть Старого Эрмитажа. Зимний дворец продолжал оставаться императорской резиденцией до отречения Николая II, хотя с октября 1915 года в нем работал госпиталь для нижних чинов. В июле 1917-го в царские покои вселился глава Временного правительства А. Ф. Керенский со свитой. Эта война задела Эрмитаж по касательной – в течение трех лет музей продолжал работать, несмотря на то что часть залов пришлось закрыть из-за нехватки сотрудников, призванных в армию. В октябре 1917 года, когда ситуация на фронтах ухудшилась, было решено эвакуировать художественные ценности в Москву. (Царские регалии, хранившиеся в Зимнем дворце, и большинство предметов из Галереи драгоценностей вывезли сразу после начала войны.) Два поезда с эрмитажными вещами ушли, третий уйти не успел. Его отправка была назначена на 25 октября (7 ноября), но в тот день большевики взяли штурмом Зимний дворец, и всем уже было не до спасения шедевров.

В 1941 году история повторилась: в первые дни войны удалось вывезти из города два эшелона из трех. На этот раз события разворачивались быстро и страшно. Великая Отечественная война – особая, едва ли не самая трагическая и, несомненно, самая героическая страница в истории музея с 250-летней историей. Впервые о ней рассказали С. Варшавский и Б. Рест в прекрасной, основанной на документах книге «Подвиг Эрмитажа»; она вышла в 1965 году и моментально исчезла с полок книжных магазинов, став библиографической редкостью¹. А в 1969 году читатели смогли познакомиться с большим сборником «Подвиг века», включающим в себя блокадные воспоминания, дневники и письма художников, скульпторов, архитекторов, искусствоведов². Первый раздел сборника называется «Хранители». Он посвящен музейщикам. И первый очерк в нем – об Эрмитаже.

За последние годы на военную тему написано немало. В нашей книге мы снова мысленно возвращаемся в то время, пытаюсь запечатлеть уже уходящую натуру и восстановить события, казалось бы, хорошо всем известные. В который раз вчитываясь в документы, обращая внимание на детали и нюансы, мы представляем себе обстановку предвоенных лет, первых недель войны и девятисот дней блокады. Мы постарались собрать свидетельства очевидцев: это то, что на сегодняшний день смогла сохранить детская память; остальное – документы: директивы и правительственные распоряжения на случай эвакуации музейных ценностей, приказы по Эрмитажу, отчет о научной работе за 1942 год – наверное, самый страшный за всю войну. Это дневники и письма сотрудников, оставшихся в Ленинграде, и их коллег, оказавшихся в эвакуации.

Мы публикуем фотографии из альбома времен Первой мировой войны, принадлежавшего О. Э. Вольценбургу, который служил артиллеристом на Северном фронте, и его же

дневник, написанный в первую блокадную зиму, когда Вольценбург уже заведовал эрмитажной библиотекой. Эпиграфом к своему дневнику Оскар Эдуардович выбрал слова Вильгельма Кюхельбекера, мечтавшего когда-то, чтобы его «немецкое имя прозвучало как самое русское».

Военная графика Алексея Федоровича Пахомова, знакомая многим с детства, может сказать о блокаде больше всяких слов. Художник, еще совсем недавно рисовавший веселых и счастливых воспитанников эрмитажного детского сада, теперь дает хронику блокадного быта и делает страшные зарисовки погибших от голода ленинградцев – эти работы, в отличие от хрестоматийных жанровых сцен, в нашей стране никогда раньше не публиковались.

Невозможно спокойно читать краткие записи дневника заведующей Школьным кабинетом Любови Владимировны Антоновой, «мамы Любы», вывозившей эрмитажных детей в эвакуацию, как сейчас нам невозможно даже представить, *что* по пути в город Молотов (ныне Пермь) пришлось пережить этим детям, уехавшим, как тогда казалось, от самого страшного.

Но, несмотря ни на что, стиснув зубы и вытерев слезы, коллектив музея продолжал работать вместе со всей страной.

Эрмитажники, отправившиеся с экспонатами в Свердловск, ставший филиалом музея на время войны, писали статьи, выступали с лекциями в госпиталях для раненых, в школах и колхозах, проводили научные заседания. Протокол одного из таких заседаний (оно состоялось 17 февраля 1944 года) сохранился в архиве Отдела Запада. Темой обсуждения стал конспект для «Истории искусств», присланный М. Я. Варшавской из Баку. Ренессанс и барокко в творчестве Рубенса обсуждали так же бурно, как это бывало раньше, когда коллеги собирались в одном из кабинетов Нового Эрмитажа, выходящих окнами на Зимнюю канавку. Сейчас же они находились в помещении Картинной галереи на улице Вайнера, в Свердловске, и до окончания войны было еще больше года. Но они знали, что блокада Ленинграда уже снята, и это придавало сил. Мечта вернуться в родной город постепенно становилась все более реальной. Мысль о возвращении в Эрмитаж рефреном звучит практически во всех письмах, отправленных в Ленинград из Свердловска, Ташкента, Алма-Аты, Молотова, с Алтая... А громкие слова и не очень удачные рифмы, встречающиеся в этих письмах, звучат настолько искренне, что совсем не кажутся высокопарными.

Большинство публикуемых в книге изображений воспроизводится впервые. Это и уже упомянутые фотографии из военного альбома, и немецкая графика, и русские плакаты времен Германской войны, и поистине уникальный снимок Павильонного зала Малого Эрмитажа, сделанный в 1915 году мастером из ателье знаменитого фотографа Карла Булла. Вместо привычных глазу мозаичных столиков между мраморных колонн мы видим швейные машинки: они появились там, когда в Зимнем дворце открылся лазарет. К числу своего рода «находок» можно отнести пару железных табуреток, специально заказанных для госпиталя. Они не являются музейными экспонатами и чудом сохранились, пережив революцию и блокаду на площадке лестницы, ведущей к Первобытному отделу, расположившемуся в комнатах, где когда-то трудились сестры милосердия.

Еще одной интересной находкой стали плакаты 1942 года – «Агит-витрины Свердловского Обкома и Горкома ВКП(б)». Большинство плакатов раскрашены от руки, надписи на них сделаны по трафарету, а номера – «№ 45», «№ 67» – говорят об их количестве. Эти плакаты, служившие своего рода стенгазетами, в октябре 1945 года вместе с музейными

коллекциями были привезены из Свердловска. Долгое время они находились в фондах Русского отдела, а теперь хранятся в Эрмитажном Архиве.

Впервые публикуются изображения больших фарфоровых ваз, созданных в блокадном Ленинграде, а в ноябре 1943 года показанных на Всесоюзной выставке «Героический фронт и тыл» в Третьяковской галерее. С тех пор они были скрыты от глаз зрителей в запасниках музея Фарфорового завода, одного из отделов Эрмитажа.

Из дневника архитектора Александра Владимировича Сивкова мы узнаём, что делалось для «консервации» музея и как проходили в нем первые восстановительные работы.

О своей службе военным переводчиком в легендарном авиаполку «Нормандия – Неман» оставил воспоминания Аркадий Семенович Поляков, много лет заведовавший «Отделом внешних сношений», как гласила табличка на массивной двери кабинета в самом начале Директорского коридора. Его рассказы, часто им повторяемые, мы, работавшие тогда в этом отделе, знали наизусть. Примечательно, что все они касались исключительно комических ситуаций, в которые он попадал. Вероятно, пережитые кошмары военных лет Аркадию Семеновичу вспоминать не хотелось...

Читатель найдет здесь историю знаменитого Пергамского алтаря, вывезенного в Советский Союз из Берлина в 1945 году, и два десятка фотографий, сделанных на эрмитажной выставке 1958 года, где этот памятник был показан. Тогда ленинградская публика смогла увидеть трофейные шедевры перед их возвращением теперь уже в Германскую Демократическую Республику. Эти удивительные фотографии, сделанные Ю. П. Дядюченко и переданные им в Эрмитаж, также публикуются впервые, за исключением одной, которая показывалась на выставке работ фотохудожников АПН в разных странах мира. На фотографиях запечатлены не столько шедевры, сколько лица зрителей, выстоявших огромную очередь в предвкушении встречи с чем-то необыкновенным. Там и нарядные дамы с театральными биноклями в руках, студенты и старушки с блокнотами и карандашами, и пионеры, и морячки в отутюженных форменках...

Цель этой книги – та же, что и цель сборника «Подвиг века», появившегося сорок с лишним лет назад, – отдать дань Великой памяти. Поэтому я повторю слова Веры Абдуловой, моей мамы, сказанные ею в очерке, посвященном Эрмитажу: «Воздерживаясь от похвал, не отваживаясь раздавать эпитеты, хочется вникнуть в события и понять их, насколько это возможно. Может быть, такая попытка и есть единственная возможность воздать должное этим дням».

А. В. Конивец

---

¹ Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. Л.; М., 1965.

² Подвиг века : Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда / авт.-сост. Н. Паперная. Л., 1969. С. 9.

О. Э. ВОЛЬЦЕНБУРГ

СТРАШНАЯ ЗИМА

1941–1942 годы в Ленинграде

Записную книжку, страницы которой мы публикуем, Оскар Эдуардович Вольценбург (1886–1971), заведующий Научной библиотекой Эрмитажа, начал заполнять еще в 1930-е годы: тогда в ней появились зарисовки, сделанные на старом лютеранском кладбище под Павловском, где был похоронен его отец; затем последовала поколенная роспись имен родственников с датами их рождения и смерти. С осени 1941 года Вольценбург стал заносить в эту тетрадь имена погибших в блокадном Ленинграде родных, друзей и коллег. В январе 1942 года он зарисовал схему Серафимовского кладбища, отметив место погребения своего умершего тогда сына. Здесь же перечислены десятки имен других жертв войны – близких ему людей. Записная книжка Вольценбурга стала своего рода синодиком, книгой памяти. Он не расставался с ней в блокадном городе, сумел сохранить в эвакуации. Рассказ о ленинградской страшной зиме 1941/42 года был написан уже в Гудауте. В тетради также содержатся черновики писем к коллегам-эрмитажникам; краткие описания библиотеки, собраний рукописей, книжных иллюстраций, экслибрисов, оставленных в Ленинграде. Эта тетрадь вернулась вместе с ее владельцем в Ленинград, где сохраняется внуками и правнуками Вольценбурга как семейная реликвия.

Жестокий голод, свирепые морозы, ужасающая смертность! Зверские бомбардировки города, сначала самолетами, а затем и артиллерией. Смертность среди мужчин небывалая, на 80 умерших мужчин приходится 2 умершие женщины. <... >*

Не долгая жизнь, а долгое путешествие
делает человека мудрым.
Восточная пословица

Гораздо честнее быть без вины обойдену,
нежели без заслуг пожаловану.
«Недоросль» Фонвизина

... Небо ясно:
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?
Лермонтов

<... >

У меня теперь почти единственная страсть:
учиться и оставить по себе что-нибудь такое,
что заставит прозвучать во истине
мое немецкое имя как самое русское.
В. К. Кюхельбекер. Из письма к матери.
Тбилиси, 182[...]

Впечатление от последних трех месяцев (декабрь 1941 и январь–февраль 1942 года), проведенных в Ленинграде, – это сплошной кошмар: холод, голод, болезни и смерть кругом... В январе 1942 г. я остался совершенно одиноким в библиотеке Эрмитажа. Ольга Владимировна Лаврова и Мария Емельянова Постолова не показываются в библиотеке – они укрылись и засели на постоянное пребывание в бомбоубежище Э[рмитажа]. Николай Петрович испросил отпуск с 1 декабря 1941 г. до 1 апреля 1942 г. Мальшева перешла на работу в стационар в качестве

* Далее перечислено более пятидесяти имен родственников О. Э. Вольценбурга, художников, а также сотрудников Эрмитажа и других учреждений.

ные, а требовательность со стороны сотрудников повышенная. Профессора и науч[ые] сотрудники всех категорий сидят в убежищах или по домам, и если появляются в Эрмитаже, то только для того, чтобы настойчиво и нетерпеливо требовать новых книг, совершенно не входя в положение библиотеки. Молодой «профессор» Болдырев (директорский любимец) нагло заявляет, что он, вследствие экономии своих сил, не может «подняться» в б[иблиоте]ку, к тому же в библиотеке «собачий холод», а потому книги ему по составленному им списку необходимо для него доставлять в комнату ученого секретаря, куда сотрудники библиотеки все равно ежедневно приходят, и приносить туда книги для него, Болдырева, не составит для них большого труда. Меня эта наглость взорвала, и я ему ответил уместным адресом. Щербачева жаловалась директору, что необходимые для ее научных работ книги сложены б[иблиоте]кой в недоступном помещении и она не может по этой причине продолжать свою работу... Пока была здорова М. М. Брант, она безжалостно эксплуатировалась учеными сотрудниками Эрмитажа, проживавшими в бомбоубежище. Она таскала им книги огромными кипами, не жалея своих слабых опухших ног. Много раз говорил я добрейшей М. М., чтобы она пощадила свои силы на таких внимательных людей, как я*. Все мои доводы не действовали на М. М. Только в эти тяжелые дни окончательно были сняты лицемерные маски со многих сотрудниц Эрмитажа. Истинные лица таких фальшивых и лицемерных людей открылись для всех воочию. Кто теперь еще может говорить об усердии к работе и доброте душевной Л., о честном отношении к работе, беспристрастности и нелицепри-

тии П.? Воистину это кошмарное время было настоящим пробным камнем для многих притворщиц и обманщиц. Звериный образ перед надвинувшейся смертью заставил многих откровенно показать свое настоящее эгоистичное нутро мелких людишек, таких оказалось немало и среди сотрудников Эрмитажа. Таких светлых личностей, как М. М. Брант, оказалось немного среди окружающих мелких людей. Нравственную силу и удивительную стойкость выказала еще М. С. Коноплева, Липпольд, Шер. Отзывчивыми людьми оказались еще А. В. Вильм, М. П. Спирина, Л. Б. Гейнеман и Елена Константиновна [Жванова] (кассир). По-товарищески все время по отношению ко мне держался архитектор А. В. Сивков. Из профессоров** отзывчиво*** и по-товарищески относились Доброклонский, Лисенков, Липпольд, Борисов и Пиотровский. Если раньше с сотрудниками отдела графики у меня уже давно установились дружеские отношения, то теперь и сотрудники Востока открыли мне свои симпатичные стороны души и характера, только в последний тяжелый месяц. Б. Б. Пиотровский познакомил меня со своей матушкой, пригласил к себе и подарил экз[емпляр] своих работ с надписью и автографом. Всегда неизменным моим доброжелателем оставался Вл[адимир] Ник[олаевич] Васильев. В последних числах января, возвращаясь с пустыми судками из столовой – обеда не получил, – встретил на набережной Невы В. Н. Васильева. Разговор коснулся современного нашего состояния и нашей будущей участи. Специально обо мне он сказал, что хорошо осведомлен о моем положении в Эрмитаже и постарается, чтобы я попал в первую очередь на питание в стационаре. На прощание он бросил фразу: «Вас нужно во всяком случае сохра-

* Далее зачеркнуто: «чтобы не развращала наших избалованных и неблагодарных сотрудников своим безмерным вниманием и беспримерной предупредительностью».

** Зачеркнуто: «научных сотрудников».

*** Зачеркнуто: «корректно себя держали».

Сотрудники Эрмитажа
в читальном зале
библиотеки.
Фотография.
Государственный
Эрмитаж

нить: сначала Вас подкормим, а затем предоставим возможность уехать из Л[енин]-г[рада] в „хороших условиях“. Я напомнил ему, что на моем иждивении находится семья, а в квартире хранится ценная библиотека и архивные материалы, имеющие значение не только для меня лично, но и для науки в СССР. Ответ был: «Знаю и помню, обо всем позаботимся!» Вскоре после этой встречи узнал, что меня действительно зачислили в состав первой группы стационара в качестве «приходящего». Во главе всего учреждения этого стационара поставлена Ада Васильевна Вильм, а в качестве деятельной помощницы ее подвизается Лидия Сергеевна Пискунова. Последняя взяла на себя ежедневные дежурства для наблюдения за приготовлением и распределением еды в стационаре. Кормят три раза в день: завтрак в 10 час. утра, обед – [в] 2 часа дня и ужин [в] 6 часов вечера. Лидия Сергеевна попросила меня дать ей почитать книгу Пыляева «Старый Петербург». Книга эта ей необходима для подготовки к беседам, проводимым ею в военных лазаретах. Книга – редкая и дорогая, мой экземпляр для меня особенно дорог, т. к. приобрел я его еще

в юные свои годы и книга связана со многими дорогими для меня воспоминаниями... В первый же день моего посещения стационара Л. С. напомнила мне об этой книге, и на следующий же день я ей вручил ее... Через несколько дней я увидел, проходя по палате «лежачих», что моя книга валяется на койке у одной из сотрудниц Эрмитажа – приятельницы Л. С. П., состоящей в стационаре в числе «лежачих»... Библиофильское мое сердце сжалось от боли при виде небрежного отношения к дорогой мне книге, предчувствуя, что с этим экземпляром любимой книги мне придется распрощаться навеки.... Три раза в день я путешествую в Эрмитаж для питания в стационаре. Часы завтраков, обедов и ужинов не соблюдаются. Запаздывания принимают систематический характер. В особенности неприятно для меня запаздывание ужинов (вместо 6 часов по расписанию – часто ужинали мы лишь в 8 часов). Возвращаться приходится впотьмах. Попутчиков у меня нет, ибо почти все сотрудники живут в убежищах или общежитиях Эрмитажа. Убежища внезапно приказано ликвидировать – в них появились эпидемические заболевания на почве сырости, грязи

Н. А. ЩЕТИНИНА

ФАРФОРОВАЯ ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ

В коллекции отдела «Музей Императорского фарфорового завода» Государственного Эрмитажа сохранились уникальные произведения, созданные в блокадном Ленинграде. Они являются примером героического подвига художников Ленинградского фарфорового завода, которые продолжали творить, невзирая на трудности военного времени, и считали своим долгом рассказать о трагедии и колоссальных испытаниях, выпавших на долю северной столицы. Сегодня многое известно о 900-дневной блокаде Ленинграда, немало написано и о военном фарфоре, о судьбах его создателей, внесших свой вклад в приближение Великой Победы. Тем не менее спустя семьдесят пять лет после начала кровопролитной войны хотелось бы еще раз вспомнить о тех, кто не только выстоял и победил ненавистного врага, но и нашел в себе творческие силы для созидания прекрасного, смог сберечь непреходящие ценности для будущих поколений. Из их воспоминаний и росписей фарфора тех дней, ставших живой историей, мы достоверно узнаём, какой ценой далась долгожданная и выстраданная победа в «священной войне».

Во время драматичных событий Великой Отечественной войны Ленинградский фарфоровый завод, как и многие другие предприятия страны, понес большие потери. В блокаду он лишился многих ценных работников. Беспощадная война унесла жизни талантливых сестер Натальи и Елены Данько, многообещающих молодых скульпторов Н. А. Кольцова, Т. С. Кучкиной, живописца П. М. Пещерова (отца художницы Н. П. Славиной). В печальном списке умерших более девяноста имен. Ломоносовцы уходили

Ваза с изображениями видов Ленинграда во время Великой Отечественной войны. 1943. Фрагмент

на фронт или эвакуировались, оставшиеся в городе переводились на казарменное положение. Часть производства и музейная коллекция фарфора были эвакуированы на Урал, в город Ирбит, а на территории предприятия разместилась воинская часть. Продолжали работать лишь некоторые цеха, служившие нуждам обороны.

В первые же дни войны сотрудники ЛФЗ начали готовить к эвакуации заводской музей¹. Анна Александровна Лепорская, Людмила Викторовна Протопопова и некоторые

другие художники приняли также активное участие в упаковке ценностей Эрмитажа² – вместе с опытными упаковщицами завода они укладывали в ящики уникальную коллекцию фарфора³. Как и все переживавшие тяготы блокады ленинградцы, они сохраняли бодрый настрой и твердо верили в скорое снятие осады. Никто не оставался безучастным. Художникам приходилось работать в госпиталях, на лесозаготовках и торфоразработках, рыть траншеи и противотанковые рвы, маскировать здания и корабли, создавать плакаты и оформлять выставки для воинских частей. Например, Е. П. Соловьева-Кубарская выполнила серию плакатов, в композицию которых включила тексты и ноты военных песен. Главный художник завода Н. М. Суетин руководил оформлением выставок «Партизанское движение в Ленинградской области» (1943), «Героическая оборона Ленинграда» (1944), вместе с А. А. Лепорской работал в Александрово-Невской лавре, где создал торжественное оформление могилы выдающегося русского полководца А. В. Суворова. При этом даже в самую суровую первую блокадную зиму вопреки всем невзгодам мастера не забывали о своем белоснежном и хрупком материале и продолжали поддерживать связь с законсервированным заводом. Ведь только там была возможность обжигать расписанные чаще всего в домашних условиях вещи из запасов старого «белья» (иногда, чтобы хоть как-то закрепить фарфоровые краски, приходилось всю живопись покрывать даммарным лаком). А. А. Яцкевич одна из творческой группы практически всю блокаду находилась на опустевшем заводе, так как по собственной просьбе была причислена к команде МПВО. В родных стенах Анна Адамовна продолжала создавать художественный фарфор, онемевшими от холода пальцами расписывая предметы на тему «Ленинград в блокаде», истощенная

и больная спасала бесценную заводскую библиотеку.

Художник М. Н. Мох с началом войны был принят в Эрмитаж чернорабочим, входил в местную противопожарную команду, вместе с музейщиками защищал национальное достояние от гибели. Свободное время он неизменно посвящал творчеству, создавая свои изящные фарфоровые миниатюры, так или иначе связанные с эрмитажной историей. Небольшие, ювелирные по росписи вещицы из фарфора Михаил Николаевич обжигал в муфельной печи, которую привез на санках из университета⁴. Многие произведения исполнялись к знаменательным и памятным датам, становились незабываемыми подарками для друзей⁵. Такое духовное наполнение жизни поднимало настроение и помогало легче переносить тяготы войны.

Т. Н. Безпалова-Михалева, Л. И. Лебединская, Е. П. Соловьева-Кубарская, А. В. Щекатихина-Потоцкая тоже в дни блокады оставались в осажденном Ленинграде и каждая по-своему отразили особую военную эстетику и облик пострадавшего от вражеских налетов, но по-прежнему прекрасного города на Неве. После того как в сентябре 1943 года возобновила свою деятельность художественная лаборатория, небольшая творческая группа под руководством Николая Михайловича Суетина в очень короткие сроки смогла выполнить целый ряд высокохудожественных произведений, посвященных героике Ленинграда. Т. Н. Безпалова-Михалева расписала вазы «Ленинград. 1941–42 г.», «Дорога жизни», «Прорыв блокады», большой фарфоровый пласт «Партизаны»; Л. И. Лебединская – знаменитый сервиз «Ленинград в блокаде», вазу «Оборона Ленинграда» («Оборонная»); Е. П. Соловьева-Кубарская – вазы «Ленинград в блокаде», «Враг у ворот», пласты «Снайперы», «Танковая атака» и другие. Многие из этих работ были

Ваза «Оборонная».
1943–1946.
Роспись Л. И. Лебединской.
Государственный
Эрмитаж

показаны на выставках в Союзе художников, а уже в ноябре 1943 года экспонировались в Государственной Третьяковской галерее на Всесоюзной выставке «Героический фронт и тыл»⁶. В Москву по долгой и опасной дороге ценный груз сопровождала Е. П. Кубарская. И этот риск был оправдан,

так как произведения из блокадного Ленинграда произвели неизгладимое впечатление на зрителей. С тех пор большинство из них не экспонировались и не публиковались, но не потеряли актуальности звучания даже спустя многие десятилетия и по-прежнему могут найти отклик в сердцах людей.

Благодаря самоотверженности работников завода до наших дней дошли редкие свидетельства жизни города-фронта. Высокий и искренний подъем патриотических чувств военного периода отразился почти на всех созданных тогда произведениях. Знаковым для блокадного фарфора стал сервиз «Ленинград в блокаде», в котором Л. И. Лебединская документально запечатлела самую страшную зиму Ленинграда и героический подвиг его жителей. В медальонах, обрамленных золотыми лавровыми венками, Лидия Ивановна с большой любовью и болью

изобразила городской ландшафт с известными памятниками архитектуры, пострадавшими от бомбежек гитлеровцев. Одним из напоминаний об огромных потерях блокады, о ранах, полученных городом при артобстрелах, стал поврежденный снарядом портик Нового Эрмитажа с гранитными атлантами. На вазе «Оборонная», используя излюбленный торжественный язык сталинского ампира, Л. И. Лебединская разместила реалистичные сцены героической обороны города в окружении монументальных медальонов с видами Ленинграда.

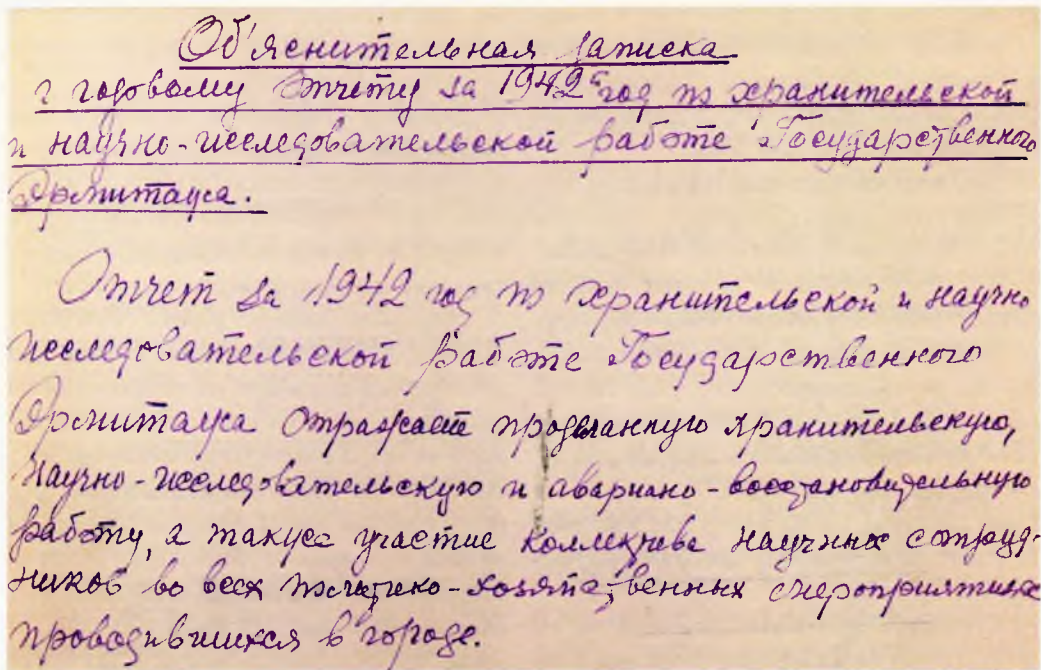

И. Г. ЕФИМОВА

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ЭРМИТАЖА
По материалам отчета о работе хранительского и научного состава
Государственного Эрмитажа за 1942 год

В архиве Эрмитажа хранятся уникальные документы, отражающие жизнь музея во время войны и блокады Ленинграда. Среди них отчеты о работе хранительского и научного состава музея в военные годы, письма его сотрудников из блокадного Ленинграда и из эвакуации в Свердловск, их дневники и воспоминания. Документы архива позволяют буквально день за днем проследить, как проходило спасение экспонатов Эрмитажа в самые трудные дни. Они служат своего рода летописью героического подвига, который совершили сотрудники музея в годы Великой Отечественной войны.

Музей – это особое место: здесь прошлое встречается с настоящим, происходит обмен сообщениями между ушедшими и живущими поколениями. Именно документы могут оказать бесценную помощь в сохранении живой памяти о минувшем. В сухих канцелярских строчках отчета Эрмитажа – «перенесено, составлено, упаковано, погружено, сдано...» – красноречиво раскрывается неимоверно тяжелый и самоотверженный, порою ценой собственной жизни, труд сотрудников музея по сохранению коллекций в условиях блокады города. Удивительно, что даже в самую суровую

Объяснительная записка
к годовому отчету за 1942 год по хранительской
и научно-исследовательской работе Государственного
Эрмитажа.

Отчет за 1942 год по хранительской и научно-исследовательской работе Государственного Эрмитажа отражает продолжительную хранительскую, научно-исследовательскую и аварийно-восстановительную работу, а также участие коллектива научных сотрудников во всех материально-хозяйственных мероприятиях проводившихся в городе.

Ада Васильевна Вильм.
Фотография 1941–1942 гг.
Государственный
Эрмитаж

первую военную зиму (сильные морозы держались до первых чисел апреля 1942 года), несмотря на холод, усиливающийся голод, отсутствие элементарных бытовых удобств, постоянные артобстрелы, исследовательская и научная деятельность в Эрмитаже не прекращалась ни на один день.

Большую часть отчета¹ составляет рукописный текст ученого секретаря Эрмитажа Ады Васильевны (Магдалины Францевны) Вильм, проработавшей на этой должности всю войну. С декабря 1942 по 1944 год А. В. Вильм состояла начальником штаба МПВО музея, одновременно была организатором и заведующей стационаром Эрмитажа по лечению больных сотрудников от дистрофии, который работал с 1 февраля по 1 мая 1942 года. После войны Ада Васильевна работала в Эрмитаже заведующей Отделом учета и хранения.

Структура документа построена на отчетах о работе всех отделов Эрмитажа, проходившей по трем основным направлениям: хранительская, научно-исследовательская

деятельность и повышение квалификации. К отчету прилагается объяснительная записка, обобщающая сведения о выполненной работе и содержащая итоговые показатели по отделам музея за год.

В разделе «Хранительская работа» приведены данные о составлении инвентарно-топографических описей, о пробных вскрытиях ящиков с экспонатами третьей очереди, которые не успели эвакуировать, о просмотре коллекций для проверки сохранности.

Исследовательская работа Эрмитажа в 1942 году была интенсивной и очень плодотворной. Как следует из объяснительной записки, «отрадно и то обстоятельство, что в это же время и научная работа профессорского состава Эрмитажа не замерла». В самое страшное время блокады сотрудники музея продолжали на грани жизни и смерти вести научные изыскания, раскрывать фундаментальные искусствоведческие темы, которые имели большую ценность для последующих поколений сотрудников Эрмитажа. Несмотря на большой объем хранительской

За 1941 год.

I Составлено Инвентарно-топографических списков на 19,031
проект списков

Общесами показаны следующие:

<u>Отд. Левобережной Кибитурки</u>	1578 преемств и 88 листов.	88 листов
<u>Отд. Антикичного отдела</u>	1100 --	5734 книги
<u>Отд. Востока</u>	5103 --	156 списков
<u>Отд. Запада</u>	1340. --	сей
<u>Отд. Травяной</u>	1211 -- и 156 списков.	
<u>Отд. Ист. Флоры и Раст.</u>	1479 --	
<u>Центр. Библиотека</u>	5734 книги	

II Составлены списки предметов находившихся по залам:

Отд. Востока - 48 зал
 27 кладовых
 19 кабинетов

III Переписано списки списков в целых списках сохранности:

<u>Отд. Левобережной Кибитурки</u>	20 листов и 52 книги
<u>Отд. Востока</u>	83 преемства
<u>Отд. Запада</u>	1471 преемств

Отчет за 1942 год. Л. 19

работы, оставшиеся в Эрмитаже научные сотрудники продолжали проводить занятия, участвовать в семинарах, изучать иностранные языки.

Надо отметить, что коллектив музея выполнял сверх плана аварийно-восстановительные работы по заделке пробоин, уборке снега и льда из поврежденных помещений, дворов и прилегающих территорий. Также были оборудованы бомбоубежища, организован стационар для лечения страдающих дистрофией сотрудников.

Эвакуация Эрмитажа была объявлена через два дня после начала войны. На Урал успели отправить только два эшелона. Все упакованные ящики остались в Эрмитаже, осталась и часть сотрудников музея для

сохранения большого количества экспонатов. Борис Борисович Пиотровский пишет в своих воспоминаниях: «В Эрмитаже было очень много работы. Надо было укрыть оставшиеся музейные ценности в надежные места, приспособить все залы и помещения к военной обстановке...»²

Как свидетельствует отчет о работе Эрмитажа за второе полугодие 1941 года, в это время были проведены: уборка всех вещей с выставок в кладовую (из 15 залов ОИПК, 18 залов ОАМ, 81 зала Отдела Востока и 130 залов Отдела Запада), систематизация и размещение вещей в кладовой, переноска вещей с третьего и второго этажей на первый этаж, в специальные бомбоубежища. Также были составлены топографические

С. А. МАЦЕНКОВ

РАНЫ ЭРМИТАЖА

Атланты нас покоряют с первого взгляда. (Раньше здесь, на Миллионной улице, был вход в Императорский Эрмитаж, а после Октябрьской революции, когда все музеи были объявлены народным достоянием, – вход в Государственный Эрмитаж.) Огромные, высеченные из цельных блоков сердобольского гранита, они молчаливо стоят на своих возвышениях, словно египетские боги у входа в древний храм. Они смотрят сверху вниз на нас, спящих у них под ногами, фотографирующихся и надеющихся что-то получить от судьбы, подержавшись за пальцы их ног. Смотрят на нас не то с пониманием, не то с сочувствием: суета... И кажется, вечность проходит перед их немым взором. Но их занимает только работа, о которой А. М. Горюхицкий сказал так:

... Атланты держат небо
На каменных руках.
Держать его махину –
Не мед со стороны.
Напряжены их спины,
Колени сведены.
Их тяжелая работа
Важней иных работ:
Из них ослабни кто-то –
И небо упадет...

Да, наши эрмитажные атланты, которых в XIX веке почему-то называли кариатидами, держат на своих каменных руках портик. Но мы порой этого не замечаем. Для нас атланты – красивые статуи или даже просто задний план наших фотографий, на переднем плане которых, конечно же, мы сами.

Не замечаем мы и еще кое-что примечательное – находящееся в двух шагах от атлантов, но уже не относящееся к архитектурному убранству здания... На гранитном цоколе Нового Эрмитажа (за стеной располагается зал Афины), почти на самом углу Миллионной улицы и Зимней канавки, виднеется целая россыпь пятен, более светлых по сравнению с основным цветом гранита. Их довольно много, больших и маленьких. Это не дефект камня. Это мастика, которой реставраторы замазали повреждения в камне. Здесь, у моста через Зимнюю канавку, вечером 18 сентября 1941 года во время артобстрела разорвался один из снарядов, выпущенных по городу. Эрмитаж получил первое ранение. А сколько их было потом... Осколки снаряда повредили гранит, взрывной волной выбило стекла в зале Афины. Тогда «пустоту оконных проемов закрыли первые в Эрмитаже фанерные щиты»¹. Пострадал и портик, поддерживаемый исполнами. 29 декабря 1941 года немецкий снаряд попал в него, оставив огромную пробойную, а также повредив решетку ограждения и одну скульптуру.

...Стоят они, ребята,
Точеные тела,
Поставлены когда-то,
А смена не пришла.
Их свет дневной не радует,
Им ночью не до сна,
Их красоту снарядами
Уродует война...

Артобстрелы и налеты вражеской авиации на Ленинград начались с первых дней

Повреждения цоколя здания Эрмитажа от взрыва снаряда рядом с портиком 18 сентября 1941 г.
 Фотография С. А. Маценкова. 2016

сентября. 8 сентября сомкнулось кольцо блокады. И в течение всей блокады, длившейся 882 дня, враг обстреливал город из артиллерийских орудий и бомбил с самолетов. В среднем на Ленинград ежедневно

обрушивалось 245 снарядов и 175 авиабомб², приносящих разрушения и смерть. На цоколе храма Спаса на Крови, тоже израненном осколками немецкого снаряда, как напоминание о варварстве людей установлена

Мемориальная табличка на цоколе храма Спаса на Крови.
Фотография С. А. Маценкова.
2016

мемориальная табличка: «Это следы одного из 148 478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941–1944 гг.».

В июне–июле 1941 года сотрудники Эрмитажа вели подготовку музея к жизни в условиях военного времени. В эвакуацию в Свердловск были отправлены два эшелона с эрмитажными коллекциями. Всего тогда вывезли 1 117 000 предметов. Оставшиеся памятники для безопасности переместили в подвалы или с верхних этажей на нижние. Также Эрмитаж наряду с Казанским и Исакиевским соборами принял на хранение ценности из пригородных дворцов и музеев.

В подвалах Эрмитажа и Зимнего дворца было оборудовано двенадцать бомбоубежищ: заложены низкие подвальные окна, навешены железные двери, сколочены деревянные топчаны. С сентября 1941 по февраль 1942 года в них проживало около двух тысяч человек. Это были сотрудники Эрмитажа, их семьи, а также ученые, музейные работники, деятели культуры из других учреждений. В противопожарных целях, для борьбы с термитными зажигательными авиа-

бомбами, в залы и на чердаки были подняты многие тонны песка. В залах песок ссыпали в кучи на фанерные листы, тут же помещали клещи, лопаты, асбестовые колпаки для тушения «зажигалок». Чердаки Большого Эрмитажа, утепленные несколькими слоями войлока, равномерно засыпали песком. До сих пор этот песок находится на чердаках Нового Эрмитажа над Залом майолики и Рыцарским залом.

Из тысяч бомб и снарядов, сброшенных и выпущенных фашистами по Ленинграду, в здания музейного комплекса попали две авиабомбы и тридцать снарядов. Многие из них повредили стены и крыши, послужившие мощным и надежным щитом на пути смерти. Вражеские снаряды рвались в двухсотлетней кирпичной кладке стен и на чердаках, увязая в железной паутине стропильной системы или в толще чердачных перекрытий, но в залы прорывались очень редко. И здесь надо отдать дань уважения российским архитекторам, инженерам, мастерам, которые создали эти мощные стены и прочные железные конструкции, защищавшие

Повреждение портика с атлантами от взрыва снаряда 29 декабря 1941 г. Фотография 1942 г. Государственный Эрмитаж

людей в бомбоубежищах и культурные ценности в залах и подвалах. Кстати, стены и кирпичные перекрытия подвалов Зимнего дворца уже пережили тяжелое испытание в 1837 году, когда чудовищный

пожар, полыхавший трое суток, уничтожил во дворце все, что могло гореть.

О большом запасе прочности конструкций говорит следующий факт: один из снарядов перебил стропильную ферму